

Кузнецов В
Багет

10/11/87

Омская Правда
г. Омск

10 ДЕК 1987

Актеры и роли

РОМАНС О ВЛЮБЛЕННЫХ

Я могу увидеть их, как только захочу. Нужно просто поставить на электрофон пластинку со свиридовской «Метелью» и дожидаться той минуты, когда запоет о любви «Романс». Я увижу притененную сцену и поверженную ниц фигуру мужчины, чьи руки скованы кандалами. Потом сцена исчезнет, останется сумрачная холодная даль. И через эту даль поспешит, заскользит, полетит к поверженному великану маленькая женщина с лицом бледным, тонким, одухотворенным. Она подымет любимого с колен. Будут звать к мужеству ее сияющие глаза. Они пойдут рядом, поддерживая друг друга. Он поверит подруге, он будет потрясен ее подвигом.

Мне ничего не стоит представить, как зал взрывается аплодисментами. И как они выходят на поклон, — все еще с отрешенными лицами, все еще не простившись с давней легендарной порой. Декабрист и декабристка — Владимир Кузнецов и Наталия Торопова, солисты балета Музыкального театра, лауреаты премии Омского комсомола.

В концертном репертуаре молодого омского балета много прекрасных номеров. Но, пожалуй, по силе одухотворенности, по мощности лирико-патетического «звучания» этот, «Памяти декабристов» (хореография народного артиста БССР Юрия Трояна), — самый впечатляющий. Он был отмечен лауреатским Дипломом I степени на областном смотре самостоятельных актерских работ, посвященном 40-летию Победы. Наташе и Владимиру рукоплескали участники и гости тематического вечера Омской области в Москве, в ЦДРИ. Этой новеллой они представляли балетное искусство Сибири на ленинградских торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося хореографа Федора Лопухова. Для меня эта работа артистов — яркий факт их сотворчества.

О Наталии и Владимире писала и местная, и центральная печать. И все же напомним, что началось их сотворчество с работы над балетом «Эсмеральда» на музыку Цезаря Пуни, Рейнгольда Гинера и Сергея Василенко, который поставила в Омске народная артистка СССР Виолетта Бовт. Что она увидела в девочке из кордебалета будущую солистку с удивительно одухотворенной артистичностью. Что она подарила Наташе — Эсмеральде не только Феба — Кузнецова, которого считает «прирожденным партнером, кавалером», но и будущую радость творческой гармонии. И что журнал «Советский балет» писал после премьеры «Эсмеральды»: «Прекрасны дуэты Тороповой и Кузнецова, где протяженность линий и легкость пластики партнерши придают особую выразительность и красоту поддержке».

Я хотела бы перелистать страницы повести о Любви, которую вот уже четыре года они рассказывают нам вместе.

В «Эсмеральде» танец Наташиной героини — бесконечное признание в любви. Мы видим каждое ее душевное движение, нас касается ответ ее внутреннего озарения, увлекает трепетность ее полета навстречу судьбе. Любить для нее значит дышать, и когда любовь убивают, дышать становится нечем. Феб любил иначе, если любил вообще: он равнодушен к любящим, — лишь бы верили в его отвагу и силу, любовались его красотой и статью... Но мы смотрели на Феба глазами Эсмеральды, и он казался нам прекрасным, хотя Кузнецов не скрывал, что обаяние и мяг-

кромра, строгая лексика классического балета, элегическая гармония музыки и пластики, цвета и света, отсутствие сюжета, — как вписать в сюжетные рамки творческие муки Художника?

Наташа танцует здесь Мечту, идеальный женский образ, живущий в воображении Художника. Она отделяется от вереницы Грез и вновь теряется в ней, приближается к Художнику зримо, осязаемо и опять уносится в запредельную даль, — бестелесная, невесомая, недостижимая... У Владимира здесь партия малотанцевальная,

очень русским — не только обликом, но и распахнутостью души, вопреки всем невзгодам хранящей целомудренную, готовую к удивлению и восторгу, детскость. Да, это его, сама того не зная, ждала Наташина юная романтическая Кончита, которой любовь принесла не только короткое счастье и нескончаемое горе, но и огромную силу надеяться, верить, ждать. Они танцуют в разных составах, и мне кажется, что тоскуют не только по своим балетным возлюбленным, — еще и друг о друге...

Героини Наташи Тороповой всегда любят безоглядно, беззаветно — и трудно, горестно, под роковым знаком разлуки или смерти. Судьбы их глубоко драматичны, но эти хрупкие женщины, как правило, сильны духом и готовы к преодолению, к борьбе, к самопожертвованию. Готовы даже самые слабые из них — Возлюбленная из «Штраусианы» и Жизель из одноименного балета Адольфа Адана, озаряющие печальную сцену светом великого женского сердца.

Апофеозом драматичной повести о Любви, которую рассказывают Торопова и Кузнецов, мне представляется их сотворчество в балете «Барышня и Хулиган» на музыку Дмитрия Шостаковича, в этом гимне любви, перерождающей человека.

...Хулиган... Но в первые же минуты обаяние Кузнецова проявляется сквозь расхристанность, резкую развинченность движений, бездумную бравату, — чистым, детским, незащищенным восторгом от несусального грубого парня. Мягче, напевнее становится пластика, освещается мыслью лицо. Бессмысленная улыбка перерастает в смелую силу, готовую оградить от всех напастей Барышню. Их любовь рождается в борьбе с его грязным прошлым и ее строгой моралью. Наташина Барышня возникает на сцене как воплощение чистоты, сдержанности, достоинства: рисунок танца строг, лицо отрешенно, манеры безукоризненны, — но внутренне она напряжена, как струна. И вот встреча с Хулиганом, и мы видим не чинную учительницу, а просто молоденькую девушку: живая чуткая душа смотрит из-под холодной маски испуганными, удивленными, радостными глазами. И когда Любовь захлестывает сцену счастливым адажио, мы верим: они не предадут свое чувство. И когда прошлое догоняет юношу ударом ножа, в наших глазах долго стоит его счастливая улыбка (о, счастье умереть за Любовью!), мы долго слышим немой крик ее горя...

...В понедельник у Наташи и Владимира состоялся отчет перед товарищами и театральными творческими вечера в Доме актера. В программу вошли фрагменты из балетов и балетных либреттистов, поставленных Виолеттой Бовт, Валентиной Тулюповой, Леонидом Фарбером, Анатолием Дементьевым, Владимиром Федяниным, Анатолием Гриндиным, новые самостоятельные подготовленные концертные номера и неизменно волнующая новелла «Памяти декабристов». Названа программа так: «Романс о влюбленных».

Е. ЗЛОТИНА.

НА СНИМКЕ: Н. Торопова и В. Кузнецов в хореографической новелле «Памяти декабристов».

Фото Е. Тюменцева.

кость его Феба — маска, которая обманула бы и сердце более искушенное, чем у наивной уличной плясуньи...

...Один из критиков написал о Наташиной Эсмеральде: «Вся в любви». Так можно сказать почти обо всех ее героинях, кроме разве что Царь-Девы (она же Жар-Птица) из балета Родиона Щедрина «Конек-Горбун». Яркая лубочная стихия детского спектакля предполагает не психологические глубины, а праздничную сказочность. И поскольку «условия игры» таковы, балерина «кунается» во второй ипостаси образа. Ее Жар-Птица невесома и озорна, пуглива и стремительна, в ней нет царственности, но есть волшебная, ускользающая из рук и глаз, воздушность, влекущая доброго и смелого Ивана — Владимира Кузнецова.

...«Подступом» к этому дуэту была работа Наташи и Владимира в балете «Вариации» на музыку Жоржа Бизе. Казалось бы, ничего общего с красочным «Коньком»: холодноватый полумрак некоего условного ми-

но требующая настоящего актерского мастерства: ему приходится безмолвно рассказывать о спокойном созерцании и нетерпеливом ожидании, о надежде и отчаянии, материализующихся в невесомой женской фигурке, в ее скольжении и полете, в ее удивительной свойстве истаять в глазах.

Да, уже в «Вариациях» Наташа танцевала Жар-Птицу Мечты. Танцевала Любовь, которой надо быть достойным.

Его, достойного Любви, ждут, обретают и теряют героини Тороповой. Ее постоянное партнерство с Кузнецовым создало для зрителей четкий портрет Возлюбленного: высокий, статный, сильный, белокурый, с открытым лицом и чистыми светлыми глазами. Таким видит его Наташина героиня. Или хотят видеть.

...Таким являлся бы он Наташиной Кончите в рок-балете Алексея Рыбникова «Юнона» и «Авось», если бы балетмейстер не развел танцовщиков по разным исполнительским составам. Владимир рисует Резанова скупыми красками, но и в этой «немногословности» его герой предстает перед нами достойным, мужественным, живущим напряженной жизнью духа. И